

На правах рукописи

Залесова Наталья Викторовна

СТАНОВЛЕНИЕ РУССКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ
ТРАДИЦИИ В ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ
УСЛОВИЯХ НАЦИОНАЛЬНОЙ РЕЧЕМЫСЛИ

Становление русской философской терминологической традиции в
этнолингвистических и социокультурных условиях национальной речемысли

Специальность 24.00.01 – теория и история культуры

А в т о р е ф е р а т

диссертации на соискание ученой степени

кандидата философских наук

Тюмень – 2004

Работа выполнена на кафедре философии Тюменского государственного университета

Научный руководитель

доктор философских наук
профессор
Щербинин Михаил Николаевич

Официальные оппоненты

доктор филологических наук
профессор
Фролов Николай Константинович

кандидат философских наук
доцент
Ересько Марина Николаевна

Ведущая организация

Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского

Защита состоится «16» декабря 2004 года в 14.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.274.02 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора философских наук при Тюменском государственном университете (625003, г. Тюмень, ул. Перекопская 15а, ауд. 215).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Тюменского государственного университета.

Автореферат разослан «15» ноября 2004 года

*Ученый секретарь
диссертационного совета
д. филос. н., профессор*

С. М. Халин

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Современные дискуссии и обсуждения истории отечественной философии, ее месте и роли в истории мировой философской мысли создают необходимость изучения языка русской философии, воссоздания объективной картины становления ее терминологической традиции, способной определить потенциальные возможности национального языка, как условия для выражения философских концепций. Исследование истории развития терминопонятий вызывает необходимость в изучении отдельных терминов, опираясь на исследование слов, используемых в качестве терминоединиц, прослеживая их появление, существование в языке и функционирование в речи, а в соответствующих случаях и их вывод из речевого употребления. На конкретных примерах наименований важнейших философских категорий вырисовывается общая картина формирования основного фонда русской терминологии, при этом определяется соотнесенность терминов друг с другом, отражающая соотнесенность понятий и представлений, складывающаяся в процессе познания.

Источником аналитического исследования послужила национальная философская терминология второй половины XVIII – начала XIX вв., времени становления философии в России, в процессе развития которой определялся предмет науки, менялись задачи, структура и методы, складывалась система обозначения понятий и категорий. Особенностью процесса научно-терминологического обеспечения творческой деятельности рассматриваемого периода явилось то, что после преобразований Екатерининской эпохи шло осмысление русским самосознанием особенностей своей языковой основы, приведшее к признанию языка главным участником культурно-исторического процесса, происходило осознание роли языковых форм в созидании новой культурной парадигмы. Русский язык как вербализованный строй русской духовности воплощает в себе ее конечные запросы, составляет необходимое ядро, представляет ее творческий потенциал. Наблюдения над особенностями использования языка позволяют увидеть источник национального своеобразия тех или иных явлений духовной культуры, исследовать те реальные формы, в которых воплощаются самобытные черты культуры народа.

Экспликация русского менталитета из слова и сознания в философских системах национального характера становится важной задачей современной науки. Актуальность исследуемой проблемы обосновывается тем, что в науке мало затронута тема использования данных языка для теории философских категорий, для уточнения их содержания и познавательного смысла. Углубление семантической перспективы слова в языке позволяет изучить ментальность как средство национального самосознания и способ создания традиционной картины мира, коренящиеся в категориях и формах родного языка.

Глубинно национальный язык, кроме коммуникативной функции, способен выполнять, прежде всего «ментально-речемыслительную», когнитивную, в пределах которой и происходит постижение новой мыслительной категории, которая шлифуется в элементах структуры языка, развивая и обогащая его. Когнитивную же функцию научного языка делает определяющей сама потребность целенаправленного познания. В этой связи актуальным представляется исследование семантики термина с позиций когнитивной науки, теории, ставящей во главу угла вопрос о том, каким образом те или иные языковые явления связаны с отражаемой ими экстралингвистической реальностью и какова их роль в познании этой реальности. Значение слова при этом рассматривается уже не просто как сеть внутренних отношений тех или иных элементов в языке, а в связи с процессом познания мира, мыслительной деятельностью человека и его познавательными возможностями. При этом представляющийся обоснованным отказ от резкого противопоставления лексико-семантического и внеязыкового (экстралингвистического) знания, т.е. сведений, извлекаемых из материи и формы данного языка, и так называемых «энциклопедических» знаний, позволяет описывать семантические структуры как производные от понятийных соотношений. В этой связи представляется актуальным функциональный комплексный подход, позволяющий рассматривать терминотворчество как целенаправленный поиск необходимой информации на основе имеющегося языкового опыта, закрепление ее в «информационно-терминологической» сфере языка.

Степень разработанности проблемы. Теория термина была разработана в трудах Г.О. Винокура, А.А. Реформатского, С.М. Брудина, А.С. Герда, Т.Л. Канделаки, А.В. Суперанской, Н.В. Подольской, С.Д. Шелова, теоретическим вопросам русской терминологии посвящены монографии Д.С. Лотте, Л.А. Капанадзе, В.П. Даниленко. Вопрос о формировании философской терминологии в русском языке как целостная проблема не вскрывался, хотя отдельные его стороны затрагивались и находили освещение в работах В.В. Виноградова, В.В. Веселитского, А.М. Деборина, Ю.С. Сорокина, Л.Л. Кутиной, А.В. Чичерина, Н.В. Леоновой, Е.И. Лебедевой, в которых был выявлен состав лексических единиц, употреблявшихся в качестве наименований основных философских понятий, раскрыта сфера их употребления, изучен процесс терминологизации отдельных значений. Наиболее полно в них раскрыто состояние русского литературного языка первой половины XIX века, установлены основные тенденции семантического развития при терминологизации слов в этот период, уделялось внимание и собственно языковым условиям, в которых формируется тот или иной термин. Анализ же философской терминологии в этих работах не был предметом специального изучения и не создает полной картины.

Проблемы языкового контактирования в исследуемый период представлены в работах отечественных и зарубежных исследователей – Я.К. Грота, Д.С. Лотте, М.М. Маковского, Э.Хаугена, Н.М. Шанского, А.Д.

Дуличенко, Ю.Т. Листровой-Правды. Наиболее полно в них представлены социально-хронологические аспекты исследования, вопросы об этимологической отнесенности иноязычных заимствований, их систематизация, тематические классификации и русско-славянское освоение. В работах Л.П. Крысина, А.А. Брагиной, Н.Г. Комлева, Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова заимствованная лексика рассматривается как отражение культурных взаимодействий.

Подход, при котором язык рассматривается как культурный код нации, а не просто орудие коммуникации и познания был заложен в Европе трудами В. Гумбольдта, в Америке его фундаментальные основы идут от Ф. Боаса, Э. Сепира, Б. Уорфа, в России огромное значение имели работы Д.К. Зеленина, Е.Ф. Карского, А.А. Шахматова, А.А. Потебни, А.Н. Афанасьева, А.И. Соболевского. В последние два десятилетия это – работы Ю.С. Степанова, А.Д. Арутюновой, В.В. Воробьева и др. Язык как «естественный» субстрат культуры, пронизывающий все его стороны, служащий инструментом ментального упорядочения мира и средством закрепления этнического мировидения рассматривается В.Н. Топоровым, В.В. Ивановым, Н.И. Толстым, Ю.А. Сорокиным, Н.В. Уфимцевой и др. В начале XX века возникла австрийская школа «Wörter und Sachen» («Слова и вещи»), которая направила проблему «Язык и культура» по пути конкретного изучения составных элементов языка и культуры, продемонстрировав важность культурологического подхода, прежде всего в лексике и этимологии.

К сегодняшнему дню в решении проблемы соотношения языка и культуры наметилось несколько подходов. Первый разрабатывался в основном отечественными философами – С.А. Атановским, Г.А. Брутяном, Е.И. Кукушкиной, Э.С. Маркарян, суть которого состоит в понимании языка как отражения действительности, культура же есть неотъемлемый компонент этой действительности, следовательно, язык – простое отражение культуры. Вопрос об обратном воздействии языка на культуру составляет сущность второго подхода, в рамках которого В. Гумбольдт, А.А. Потебня понимали язык как духовную силу, эту проблему исследовали школа Э. Сепира и Б. Уорфа, различные школы неогумбольдтианцев, разработавшие так называемую гипотезу лингвистической относительности, в основе которой лежит убеждение, что реальный мир существует постольку, поскольку он отражается в языке. В силу того, что каждый язык отражает действительность присущим только ему способом, следовательно, языки различаются своими «языковыми картинами мира». Эта концепция получила своеобразную интерпретацию в работах Ш. Балли, Ж. Вандриеза, И.А. Бодуэна де Куртенэ, Р.О. Якобсона, получила поддержку и дальнейшую разработку в трудах Л. Вейсгербера, в его концепции языка как «промежуточного мира», стоящего между объективной действительностью и сознанием. В исследованиях некоторых авторов гипотеза лингвистической относительности получила современное актуальное звучание, прежде всего – в работах Д. Олфорда, Дж. Кэрролла, Д. Хаймса и других авторов, в которых концепция Сепира-Уорфа существенным образом дополнена. Отрицательную же оценку этой гипотезе дают Б.А. Серебрянников,

Д. Додд, Р.М. Уайт, Р.М. Фрумкина, Э. Холленштейн. Проблеме языковой картины мира посвящены работы Г.А. Брутяна, С.А. Васильева, Г.В. Колшанского, Н.И. Сукаленко, М. Блэка, Д. Хаймса. Возросший интерес к этой проблеме связан с когнитивными исследованиями последних лет, в рамках которых делаются попытки связать теорию языковых гештальтов с теорией фреймов как структур знания.

Интерес к макролингвистической проблематике (язык vs общество \ культура \ личность), достигший своего апогея в трудах В. фон Гумбольдта, Г. Штейнталя, К. Фосслера и А.А. Потебни, в первой половине XX в. был оттеснен на второй план достижениями структурализма, ограничивавшегося исследованием языка «в себе и для себя». Однако в рамках изменения научной парадигмы гуманитарного знания приходит парадигма антропоцентрическая, функциональная, когнитивная, возвратившая человеку статус «меры всех вещей» и вернувшая его в центр мироздания. Антропологический подход к языку, установившись вслед за В. фон Гумбольдтом, И.А. Бодуэном де Куртенэ, Л.В. Щербой, Э. Сепиром и др., положил начало описанию значения через обращение к личностным, социальным сторонам деятельности носителя языка. Языковые явления стали рассматриваться в непосредственной связи с говорящим и понимающим речь индивидом в работах А.А. Залевской, А.В. Рябовой, П.А. Стаценко и др. В рамках этого направления языковые единицы исследуются на фоне таких феноменов, как память, мышление, внимание, изучение ситуаций человеческой деятельности с опорой на психолингвистику и психологию. А.Н. Леонтьев, И.А. Стернин, Ю.Н. Караулов особое внимание при этом уделяют не поверхностной информации, извлекаемой лишь из описания семантической структуры слова, а раскрытию прежде всего значения слова как некоторого мыслительного образа, ассоциируемого с лексемой. Современные теории отличает стремление, с одной стороны, встроить язык в систему других когнитивных механизмов человека, с другой – выявить «посредническую» функцию языка между человеком и внеязыковой реальностью и показать, что язык и сам несет отпечаток человеческих способов освоения реальности, и в то же время, будучи средством концептуализации этой реальности, накладывает отпечаток на восприятие реальности человеком – восприятие «сквозь призму языка». Этому посвящены, например, работы Ю.Д. Апресяна, А.Е. Кибрика, взаимосвязь национальной ментальности и языка, проблема «человек в языке» исследовалась Н.Д. Арутюновой.

Объектом исследования в данной работе является русский философский язык периода становления философии как науки в России, **предметом** анализа выступают национальные наименования философских понятий при переходе слов из общей лексики в лексику терминологическую, основанного на механизмах семантического развития слова, происходящих при его «распространении» на новые типы ситуаций.

Целью исследования явилось комплексное выявление способа формирования философской терминологии в России в ее связи с мировой философией и в контексте национальной традиции.

Для реализации поставленной цели решаются следующие **задачи**:

1. Само решение проблем термина и терминологии неизменно предполагает изучение комплекса вопросов: о структуре и составе научного термина, об источниках формирования научной терминологии, о факторах ее системности, о соотношении и связи терминологической лексики с лексикой нетерминологической национального языка и т.д.

2. Установить языковой способ выражения понятия через слово, что позволит выявить сущность внутренней формы слова как продукта мыслительной деятельности человека, определив, таким образом, ведущий признак номинации, позволяющий понять мотивы, которые послужили толчком для языкового словотворчества.

3. Выявить, сохранению каких единиц в процессе совершения выбора обозначений отдавалось предпочтение, какие эквиваленты были рассмотрены и на каких основаниях были приняты или отвергнуты. Насколько обоснованными при этом выступали такие критерии как, семантическая уместность, культурная незанятость концептуальной единицы, морфологическая гибкость, орфоэпические качества. Какова роль семантических характеристик при выборе слова, его значения.

4. Определить степень проникновения в языковое сознание контактирующего этноса заимствованных понятий. В какой степени проявляются такие функциональные особенности, как объективность, абстрактность, точность и др. в сопоставляемых языках и за соответствующими переводческими трансформациями. Какую роль при этом играют концептуальные, образные и эмоциональные характеристики терминологии.

5. Выявить, в какой степени художественная (духовно-практическая) деятельность представляет наравне с научной (теоретической) самостоятельный модус философствования.

Положения, выносимые на защиту:

1. Русская этнокультура, как первозданная знаковая система, становится своеобразной базой для выработки языкового массива философской терминологии. «Национальный колорит», состоящий в выявлении и формулировании семантической доминанты как основного признака в содержании выраженного словесным знаком смысла, исходным моментом ставит образное представление, отсюда важным кажется не только «языковое знание», но и интуиция философа, способного осознать и выразить адекватное понятию представление. Свое отражение в особом стиле философского мышления находит национальная специфика именования, состоящая, прежде всего, в выборе образа и его лексических репрезентаций.

2. Выбор мотивирующей основы для нового понятия диктуется национальными внешними и внутренними языковыми факторами, которые выступают во взаимной обусловленности. Специфика национальной

информационно – терминологической сферы языка диктует выбор определенной основы в качестве ведущего признака номинации при создании термина. Строгое разграничение научных понятий, четкие дефиниции, проводимые в понятийной сфере оказываются в тесной зависимости от материальных возможностей языка и языкового мышления.

3. Главной особенностью в освоении западной философии явилась тенденция к национальной самостоятельности в мотивированности наименований: абстрактная лексика создается по аналогии иноязычной, но на национальном языковом материале. Исконно русская терминология может оказать определенное воздействие на систему понятий, при этом она приобретает относительную самостоятельность, а иногда и сама превращается в активное начало, что нередко приводит к отождествлению ее с предметом исследования. Значения основных философских понятий русские философы сопоставляли с уже имевшимися понятиями, связанными с чем-либо конкретным, предметно – вещественным, а не обобщенным. Поиски оптимальных решений при этом могут опираться не только на знание источников, путей формирования терминологии и особенностей ее функционирования, но и на субъективно-вкусовые категории.

4. Иностранное слово, попав в русский язык, преобразует свое значение, при этом изменяется его предметно-понятийная соотнесенность, происходят процессы расширения или сужения «смыслового объема» значения, генерализация, широко используется прием смыслового развития. Во многих случаях иноязычное слово оказывало на русское «обратное» влияние, которое заключалось в том, что русское слово приобретало в результате постоянного параллельного употребления не свойственное ему ранее совокупное значение.

5. При образовании философских терминов и слов общей лексики в русском языке используется один и тот же инвентарь словообразовательных средств, но на отдельные словообразовательные элементы ложится иная нагрузка, способная стать наиболее информативно-насыщенным элементом семантики термина и ведущим признаком номинации. Такие аспекты номинативной деятельности философского языка, как выбор мотивирующего признака для нового обозначения, выбор адекватной структуры наименования и определенного словообразовательного средства для ее создания, являются одновременно и оценкой, и интерпретацией именуемого объекта.

6. Обстоятельство, что научные работы на русском языке обычно выражены в более строгой, академичной, объективно-описательной манере во многом предопределил научный стиль русского языка, который складывался на основе так называемого «среднего слога», представленного канцелярско-деловыми документами Петровской эпохи. В русском языке носят более выраженный, императивный характер такие типологические признаки научного стиля, как обобщенность, абстрактность, точность, объективность.

Методологическая основа исследования. Материал анализировался с использованием приемов и методики комплексного, системного подхода, историко-сопоставительного и описательного методов. Последний состоял в

подборе, систематизации и описании языкового материала, целью сопоставительного исследования является установление межъязыковых соответствий на основе сходства и различий в использовании исследуемых слов, а также выявление национальной специфики словоупотребления, которую можно установить только при сопоставлении языков. Кроме этого, привлекались контекстуальный метод, основанный на вчитывании в текст, сопоставлении однородных текстов; элементы словообразовательного анализа; этимологический анализ привлекался в тех случаях, когда он помогал глубже понять семантику и определить источник заимствования исследуемого термина. Объект исследования – философская терминология – обусловил логико-семантический и отчасти компонентный принцип подхода к исследуемому материалу (принцип системности с полным и всесторонним анализом семантики), дающий возможность проникнуть вглубь содержательной структуры слова и описать его системное значение. Структурно-функциональный подход к языку при этом представляет определенную важность, что ведет к признанию огромной роли категории значения, а его связь с когнитивизмом устанавливается через понятие репрезентации, или представления того или иного знания.

Новизна работы состоит в 1) попытке моделирования фрагмента русского мыслительного пространства в той мере, в какой он представлен в языке, и в той степени, в какой он определен (на основе того же языка) русской философской рефлексией: «Познание есть именование» (С. Н. Булгаков).

2) Впервые осуществлено специальное, систематическое исследование национальной специфики языка русской философии в период формирования ее терминологической традиции, изучены акцентологические изменения и трансформация семантики национальных терминов, дана реконструкция гипотез в мотивировке наименований.

3) Изучение языковых форм заведомо неполно без обращения к когнитивным категориям, поскольку, как показывает опыт лингвистики и когнитивной науки, мыслительные категории практически неотделимы от языковых категорий. Новое решение проблемы основывается на уже имеющих определенные достижения исследованиях социального характера «язык в обществе» и психолингвистических «язык в индивидууме», которые вместе способны вскрыть неизвестные резервы в особенностях организации самой языковой материи.

4) Предлагаемый подход к изучению слова, предполагающий выявление, с одной стороны, его внутренней формы, а с другой – тех этнокультурных императивов, которые привели к актуализации этой формы, дал возможность, как представляется, найти «субстратное основание», который пронизывает всю лексическую систему русского языка, придает смысл и значение каждому языкотворческому акту.

Практическая значимость. Результаты работы могут быть использованы в спецкурсах по истории русской философской мысли, истории русского литературного языка, в дальнейших исследованиях по проблемам формирования отдельных терминологических систем и в общих работах по проблемам развития языка.

Апробация работы. Основные результаты диссертационного исследования изложены в докладах на всероссийской научно-практической конференции «Духовные истоки современной письменной культуры» (Тюмень 1999); международных научно-практических конференциях «Славянские духовные традиции в Сибири» (Тюмень 2002), «История и перспективы этнолингвистического и социокультурного взаимообогащения славянских народов» (Тюмень 2002); межвузовской научно-практической конференции «Язык культуры как интенсивный фактор формирования общественного сознания» (Тюмень 2003); межрегиональных научно-практических конференциях «Славянские духовные истоки культуры и словесности» (Тюмень 2001), «Традиции славяно-русской культуры в Сибири: Русский язык как национальная основа культуры» (Тюмень 2003), «Славяно-русское духовное пространство в Сибири» (Тюмень 2004).

Объем и структура исследования. Диссертационная работа состоит из введения, двух глав, заключения, библиографического списка литературы, включающего 426 наименований, а также 201 наименование в списке источников, содержащих тезаурус аналитического исследования. Общий объем составляет 186 страниц, в том числе 148 страниц основного текста.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность выбора темы, анализируется степень ее научной разработанности, определяется новизна, объект и предмет, ставятся цель и задачи исследования; перечисляются основные методологические подходы; практическая значимость работы и ее апробация; формулируются основные положения, выносимые на защиту; содержатся данные о структуре и объеме диссертации.

Глава первая **«Функционально-семантическая и национально-культурная специфика терминов как особого раздела лексики»** состоит из трех параграфов, в которых проводится формулирование ключевых понятий, используемых в работе, содержится обоснование и разработка методологии, строящей последующее исследование.

В первом параграфе **«Механизм, движение и организация когнитивной науки о языке. Место терминологии в новой парадигме знания»** анализируется проблема языка как важнейшего объекта когнитивной науки, главной задачей которой является понимание природы определенных символических процессов, составляющих разумное (осознанное) поведение

человека. В центре внимания стоят такие когнитивные способности, как восприятие, усвоение и обработка языка, планирование, решение проблем рассуждения, научения, а также приобретения, представления и использования знаний. Важную роль при этом играет изучение того, как именно человек воспринимает и концептуализирует действительность, какие факторы объективного порядка имеют решающее значение в формировании картины мира определенным этносом.

В фокусе внимания автора находятся процессы формирования языковых значений, в связи рассматривается вопрос о соотношении таких понятий, как «познание» (и приобретенное в его результате «знание»), «опыт», служащий эмпирической основой познания, и «среда» (шире – «мир»), в которой существует человек и в которой осуществляется познание на основе приобретения опыта мира.

Наибольшее внимание уделяется влиянию опыта на процессы восприятия, категоризации и концептуализации. В частности, отмечается влияние предшествующего знания на принятие категоризационных решений и на овладение новыми концептами, подчеркивается зависимость значения от восприятия и восприятия от категоризации, а также влияние опыта среды на узнавание объектов и категоризацию. В исследовании подчеркивается, что наука, имеющая объектом своего изучения естественный язык, должна рассматривать его, по крайней мере, в трех иерархических плоскостях: а) язык и разум (со-знание), б) знание и структуры сознания (категоризованная информация), в) информация и знак (общесемиотическая проблема значения).

Одним из ранних проявлений такого подхода к языку является концепция Блаженного Августина, известная как «августинова картина (мира)», включающая в себя язык, разум и мир. Способ обобщения человеческого опыта понимается как процесс концептуализации, который также обозначается термином «наивная картина мира», служащей своеобразным посредником между действительностью и смыслом, дающий семантике новую возможность связывать языковые значения с фактами действительности через отсылки к определенным деталям наивной картины мира, то, как она представлена в данном языке.

Введение в сферу лексической семантики категории экстралингвистических знаний приводит к изменению взгляда на «понимание», интерпретируемую в традиционном и структурном языкознании как универсальную категорию, независимую от участников ситуации общения и определяемую исключительно значениями языковых форм; соответствующий тезис постулировался филологической герменевтикой. В реферируемом исследовании подчеркивается, что понимание зависит от «фактора интереса» и от устройства модели мира участников процесса коммуникации, при этом чем «богаче» модель мира в данной проблемной области, тем «богаче» понимание; аналогичные мнения высказывались в рамках философской герменевтики.

Для когнитивного направления центральным считается прототипическое представление значения или смыслового ядра слова, предполагающее, что окружающий мир структурирован в своей основе, эта онтологическая

упорядоченность отражена в представлениях как категоризация. Сама категория есть множество с отношениями, некая структура, в которой можно выделять центр и периферию – множество членов, которые по-разному соотносятся с прототипом. Автор придерживается мнения, что «прототип» – это культурно-обусловленный ассоциат некоторой более обобщающей категории.

Прототипичная теория, в отличие от «списочной» семантической теории, задавая для категории каркас, в то же время допускает вариативность и возможность неполного выполнения всех условий, заданных в прототипе критериев. Подход к проблеме с этих позиций разрешает спор между аристотелевским и виттгенштейновским подходами в сторону последнего, связанного с положением о недискретности, размытости границ, непрерывности и случайности в определении вещей и их именовании.

С понятием прототипичности, семантического инварианта в представляемой работе связано понятие «лексический прототип», введенное для обозначения минимального пучка интегральных и дифференциальных признаков, ни один из которых не выводим из другого. Лексический прототип опирается на этимологию, исток, который несет в себе содержательный инвариант всех лексико-семантических вариантов многозначного слова.

Автор полагает, что естественная связь ономаσιологического подхода с когнитивным направлением позволяет рассматривать терминообразование как номинативный процесс особого типа, выделяя в качестве специфических черт терминологической номинации специализацию языковых средств, используемых для выражения научных понятий, а также системность и классификационную регулярность терминообразовательных моделей, соответствующую подобной системности и регулярности отражаемых ими понятий. В терминопроизводстве участвуют терминоэлементы, несущие минимальную информацию о мыслительных операциях, и терминообразовательные модели, способные воссоздать в языковой форме логико-понятийные категории данной области знания.

Значительная роль в терминологическом исследовании отводится таким направлениям, как «семантике прототипа» и «семантике стереотипа». Понятие «прототип» является основой дальнейших модификаций значения, а то, в какой степени семантика термина соответствует «стереотипу», является важным критерием в разграничении семиотического и филологического аспектов терминологии.

Во втором параграфе *«Логические, лингвистические и историко-научные аспекты терминологии. Специфика философского терминотворчества»* рассматривается термин как слово, созданное для обозначения понятий разных областей знания, представляющий собой элемент языковой системы, который имеет определенный статус, отраженный в соотносительности понятийного компонента значения с научным понятием.

Прежде всего, термин относится к общему классу лексических единиц и его принадлежность к специальной лексике является вторичной специфической чертой: в плане содержания, а особенно в плане выражения, терминосистемы используют закономерности «естественного языка». Аккумулируя

общеязыковую и специальную информацию, термин остается словом, внешне подчиняющимся закономерностям того языка, на котором он создан, а также, если в основе термина лежит слово другого языка, в котором он употребляется. Разница между термином и словом состоит, прежде всего, в характере закрепляемых признаков, а не в лингвистических особенностях.

Непосредственное терминотворчество, в том числе и в философской лексике, осуществляется при помощи приемов: а) семантической конверсии (переводом слов общеупотребительного языка в разряд терминов); б) терминологической конверсии (переносом готового термина из одной дисциплины в другую с полным или частичным его переосмыслением); в) терминологической деривации (разновидность словообразовательной процедуры, отличающаяся предпочтением определенных компонентов (терминоэлементов) и/или композиционных моделей); г) заимствованием термина из другого языка с сохранением или спецификацией его основных дефиниционных параметров и с фонетико-морфологической адаптацией; д) осмыслением («ментализацией») (переводом семантической доли на родной язык из смыслового объема исходного слова-термина).

В основе этих приемов лежит относительная значимость «логосных» (связанных с системой понятий) и «лексисных» (связанных с лексической системой языка) факторов. Появление нового термина определено обоими факторами: сама необходимость в том или ином термине и его общий тип мотивируется сферой логоса (движением научного знания), а его конкретный облик в значительной мере определяется сферой лексиса (лексической системой языка и данной терминосистемой).

При рассматриваемом в работе этапе развития науки полезным представляется изучение процесса этимологизирования, неестественного для терминологии в целом. Объясняется это тем, что одновременно с попытками переосмысления терминов переосмысливаются понятия, происходит упорядочение понятийного аппарата и систематизация терминологии. Термины подобного рода формируются на базе общеупотребительных слов, в семантической структуре которых существуют «опорные смысловые пункты» для будущих научных обобщений.

Называние слов в философской лексике опирается на аналогии, ассоциации, раскрывающие представления, включаемые в качестве значений в смысловое содержание нового слова. Со смысловым объемом лексического значения слова-термина сопоставима его внутренняя форма, в которую заложена информация, отражающая специфически-национальные и социально-исторические условия развития общества, при этом внутренняя форма слова представляет собой образный способ выражения значения, обусловленный психологическими и культурно-историческими особенностями среды и эпохи.

Под мотивированностью слова в работе понимается структурно-семантическое свойство слова, позволяющее осознать рациональность связи значения и звуковой оболочки слова на основе его лексической и структурной соотносительности. В русской терминологии, как выявлено, мотивированный тип номинации играет главенствующую роль, является одним из важных

факторов сохранения самобытного, национального характера русской философской терминологии. Связь с общеупотребительными, неспециальными словами языка при этом проявляется как в общности корневых и аффиксальных морфем, составляющих слова и термины, так и в общности словообразовательных моделей. Автором подчеркивается, что в образовании семантики производного слова, используемого в качестве термина философии, участвует не только значение производящей основы, но и суффикса или префикса, с семантикой которых связаны свои представления, мотивирующие название.

В работе выделяются моменты, которые сопровождают оформление нового термина философии: 1) «стихийный» этап формирования терминологии, при котором основную роль играет субъективно-национальный фактор при выборе признака терминологической номинации, определяющий внутреннюю форму термина; 2) «организационно-целенаправленный» этап, когда внутренняя форма слов-терминов создается, как правило, посредством сугубо специализированных национальных языковых средств, обладающих ярко выраженным информативным характером.

В третьем параграфе *«Проблема отражения культуры в языке. Национально-культурная специфика языковой семантики»* рассматриваются подходы в выявлении сущности культуры, приводится аргументация их представителей, обосновывающих приоритетность обращения к категории «деятельность», выражающей активный, процессуальный характер, непосредственно связываемый культуру с деятельностной сущностью человека.

В этой связи отношение к языку как источнику сведений о культуре рассматривается через представление языковой культуры мира, под которой традиционно понимается зафиксированная в системе языка и специфическая для данного коллектива схема восприятия действительности. Процесс корректировки языковой картины мира в соответствии с потребностями общества может осуществляться на двух уровнях: поверхностном, заключающемся в изменении количественного состава тематических групп лексики, и глубинном, суть которого состоит в семантических сдвигах, характеризующих конкретные лексемы, а опосредованно – и лексические парадигмы.

В исследовании анализируются работы, развивающие и уточняющие понятие «языковой картины мира», позволяющие утверждать, что именно в номинативной деятельности людей закладывается фундамент языкового видения мира. Такое отношение к языку получило выражение в исследовательской установке, направленной на разграничение понятий языка и «языкового материала». Если есть возможность говорить о национально-культурном колорите языка, то его следует искать, прежде всего, в лексике, особенно в тех ее сферах, которые прямо или опосредованно связаны с социально-этническими и национально-культурными особенностями жизни и «среды обитания» носителей языка.

Своеобразие картины мира создается в значительной мере категориальным представлением действительности в морфологической,

синтаксической, словообразовательной системе языка. Кроме того, языковая картина мира зависит от характера образности языка, в чем находит выражение психология народа, его мировосприятие и мировидение, образ жизни и др.

Лексическая единица уже со своей внешней стороны может давать представление о многих культурно-исторических и социоэтнических характеристиках. Вместе с тем, национально-культурное своеобразие слов, проявляющееся в плане выражения, составляет только часть такого рода информации, причем не самую главную, основную нагрузку здесь выполняет значение. Содержательная сторона слова обнаруживает свою национально-культурную специфику прежде всего на уровне отдельного значения и особенно в смысловых расхождениях переносных значений при совпадении прямых значений соответствующих многозначных лексических единиц двух или нескольких языков.

Словообразовательно маркированная лексика также позволяет выявить культурно – историческую специфику языка с учетом системных связей между единицами языка и культурно значимыми концептами. Можно предположить, что словотворческий акт определенным образом организует смысловое пространство языка, обуславливая отбор значимых фактов и устанавливая наличие между ними связи. Прямое отражение культуры в лексических значениях находится в наименованиях предметов и явлений, специфических для действительности народа – носителя языка (названия реалий, связанных с историческим прошлым, вероисповеданием и т.д.).

Перечисленное выше можно назвать поверхностным уровнем отражения культуры, когда особенности культуры народа находят непосредственное выражение в особых единицах лексического уровня языка (безэквивалентная лексика) или в характере этих единиц (словообразовательная мотивированность, метафоризация). Более глубокий уровень отражения культуры кроется в природе самого значения как «сокращенного» понятия, сигнализирующего об объектах действительности (или концептах) при вторичной референции в актах речи.

Глубина актуализации когнитивного понятия, количество и характер ассоциаций различны у каждого говорящего и зависят, главным образом, от уровня его интеллектуального и общего развития. О специфике когнитивных понятий и связанных с ними ассоциаций можно говорить и относительно целого народа по сравнению с носителями другого языка, что и является глубинным уровнем отражения культуры народа в языке и глубинным слоем национальной специфики языка.

Глава вторая *«Славяно-русское освоение терминов философии в процессе их функционирования»* также включает в себя три параграфа, посвященных выявлению способа становления философской терминологии конца XVIII – середины XIX века, анализу функционирования терминологических единиц, специфике наименований философских понятий в русском языке.

В параграфе первом *«Формирование системности философской лексики русского языка. Структурно-генетическая и грамматическая*

характеристика терминологии» рассматривается своеобразие философской лексики, приобретение ею собственных национальных черт в процессе выхода на путь самостоятельного развития философской мысли к 1840-м гг. XIX в., времени, когда терминологическая лексика, находящаяся в стадии оформления и вырабатывающая единые нормы употребления, принимает системный характер. В этот период философский язык накапливал языковые номинативные средства, проводил уточнение, дифференциацию наименований.

Одной из главных особенностей оформления философского языка было явление полиномии, когда обозначение философского понятия образовывало варианты ряды, включающие в себя от 2 до 10 названий, между которыми устанавливались отношения абсолютной синонимии. Так как нормативное и общепринятое словоупотребление еще не было оформлено, лексические единицы передавали философское содержание с разной степенью точности в силу отсутствия взаимоднозначных отношений между понятием и наименованием.

Возникновение такой ситуации было обусловлено целым комплексом внешних и внутренних факторов, главенствующая роль в которых отводится богатым структурным возможностям языковой системы, ее перестройке в процессе эволюции, потребностям коммуникации, контактам русского языка с другими, порождающих множество несогласованных актов индивидуального перевода. Во многих случаях появление лексических вариантов было обусловлено наличием в системе языка ряда слов, потенциально возможных в качестве философского термина.

О значимости наименования в формирующейся терминологии свидетельствует факт его вхождения в разные по смыслу варианты ряды. Употребление же ряда наименований в качестве соответствия одному понятию объясним стремлением к точности в передаче содержания философского понятия. Как представляется, главную роль при этом играл субъективный подход к определению объема и сущности отдельных понятий, связанный с особенностями мировоззрения, с уровнем научных знаний о предмете в рассматриваемую эпоху, с научными представлениями автора, а также отсутствие четких границ, неупорядоченность содержания формирующихся и развивающихся философских понятий.

Главной особенностью изучаемого периода является то, что новые терминологические качества складывались у слов общего языка, именно в процессе сложения философской терминологической традиции наблюдается большая, чем на последующих этапах развития, близость слов-терминов со словами общего языка. Если системные отношения в философской терминологии только устанавливались, начинала определяться внутренняя связь понятий, то системные отношения в общем языке, в основном, уже установились и влияние этих отношений (например, синонимических) на формирующуюся терминологию было наиболее велико. Так, существование лексических вариантов в языке философии объясняется и вовлечением общеязыковых синонимов слова-термина в сферу философского языка. В первую очередь, это относится к отвлеченным именам существительных на -

ство, -ние, -ствие, -ость – морфологическим вариантам однокоренных слов с разными суффиксами, а также к дублетам, составленным из лексического заимствования и русского соответствия. В процессе дифференциации наименований на понятийном уровне объем значений у разных названий в составе вариантного ряда приводил к закреплению за каждым словом особого содержания, к устранению избытка синонимов, и, следовательно, к расхождению значений и исчезновению отдельных слов из сферы философского языка.

К середине XIX в. из философского обихода вышли 1) слова, которые обозначали понятия, потерявшие свою актуальность в процессе познания, или передававшие содержание понятия неполно либо односторонне; 2) слова с нечеткими семантическими границами, способствовавшие, с одной стороны, широкому использованию слова в разных контекстах, с другой – способные стать причиной его семантической редукции; 3) названия, обладавшие разветвленной системой полисемии, в силу чего входили в состав нескольких вариантных рядов, в первую очередь, при наличии заимствования, не перегруженного многозначностью; 4) слова, связанные «бытовыми» осмыслениями со значениями, развившимися у тех же слов в общем языке. Исходные значения к этому времени воздействовали на выбор и закрепление в качестве основного наименования понятия варианта, не связанного ассоциативными отношениями со значением, несущим в себе оценочный элемент или ограничительные стилистические пометы в употреблении. Растущую специализацию слов отражает также постоянное употребление в определенных контекстах.

Характерной чертой был так же и постоянно действующий процесс образования парных антонимических наименований, возможность которых заложена в самой действительности, в различных сторонах ее терминирования, что позволяло более точно выразить понимание сущности философского понятия, наиболее ярко вычленив значение. Существенной особенностью некоторых пар при этом является то, что отношения между их элементами построены не на основе взаимоисключения, а на основе сопоставления, способствующего разному подходу к объекту, его возможным характеристикам с разных сторон.

Антонимические отношения складывающейся терминологии не всегда совпадали с такими же направлениями в языке, в силу того, что языковые антонимические связи в научном языке часто нарушаются, модифицируются, приобретают иное направление. Особенностью философских терминов является то, что в основе объединения слов в лексико-семантические группы лежат не столько языковые, сколько их понятийные связи, лексико-семантическая противопоставленность обусловлена противопоставленностью понятийной. Однако именно антонимические оппозиции свидетельствуют о формировании системности в философской лексике, об определенной упорядоченности отношений и связей между отдельными наименованиями. Соотнесенность и противопоставленность наименований друг с другом,

«нанизывание терминов на понятийный каркас» способствуют углублению и специализации отдельных значений.

Отношения противопоставления могли выражаться однокоренными словами с прибавлением к одному из них отрицания *не-*, *без(с)-*, а также *сверх-* и *выше-*, однако наиболее продуктивным был способ, когда противопоставлялись значения, выраженные различными корнями. Наименования, входившие в состав смысловых соотношений, чаще всего выступали в сочетании с отвлеченными существительными «сущее», «сила», «свойство», «действие», а также в форме субстантивированных имен прилагательных на *-ое*, часто соотносящиеся по смыслу с однокоренными именами существительными на *-ость*. Процессу субстантивации способствовала, среди других факторов, постоянная соотнесенность, сочетаемость прилагательных-определений с отвлеченными именами существительными, обозначающими общие понятия.

Субстантивированные прилагательные на *-ое* охватывают самые общие категории, а потому носитель признака утрачен как безразличный («нечто») - осталась чистая субстанция качества. Широту обобщения, соотнесенности субстантивов подчеркивало употребление в качестве определяемых слов при них местоимений «все», «всякое». Для субстантивов обычна форма единственного числа, хотя в отдельных случаях, если позволяет семантика, возможно и множественное, при таком употреблении субстантивы конкретизируются, «опредмечиваются». Наименования такого рода часто появляются из потребностей контекста, в конкретных текстах они служили средством передачи определенного философского смысла. Формирование разряда субстантивированных прилагательных на *-ое*, класса слов, присущего в момент возникновения только языку науки, отвлеченно-философскому языку, придавало философской терминологии определенное своеобразие, отличие от других терминосистем и способствовало дальнейшему развитию системности.

Второй параграф **«Репрезентация национально-культурных представлений в освоении заимствованной философской лексики. Экстраязыковые и интраязыковые факторы»** содержит наблюдения, касающиеся эволюции заимствованных лексических единиц, способов их адаптации в русском языке, вызванных своим появлением необходимостью дать наименования специальным и отвлеченным понятиям, выработанным европейской философской мыслью.

Главной особенностью выступало то, что переводы изучаемого периода были отмечены общим стремлением избежать прямого заимствования иностранного слова, «перевести» европейскую философскую терминологию на русский язык, подыскав наиболее точные соответствие в родном языке. Подыскивая соответствия иностранным терминам, русские переводчики в отдельных случаях брали за исходное словообразовательные модели терминов в языке-источнике. Усваивая вместе с новым понятием словообразовательную структуру и его обозначение, давая ей «национальное смысловое содержание», они вводили в язык словообразовательное калькирование, при котором для

нового значения создается новое слово из аналогичного словообразовательного материала, например, путем буквального перевода отдельных морфем.

Желание освоить иноязычный термин и найти ему соответствие приводило к тому, что в системе философского языка распространились дублиеты из русских и иноязычных слов. Стилистические различия иноязычных и национальных модификаций состоят в том, что формы, более близкие к иноязычному оригиналу, представляют собой, как правило, более «терминологичные» наименования, чем формы, ассимилировавшиеся в национальном языке или калькированные на материале национального языка. В свою очередь, формы, созданные на национальной основе в качестве калек иноязычных, понятнее и доходчивее оригиналов для носителей данного национального языка, так как они теснее связаны со всей системой этого языка.

Многие заимствования так и остались однозначными, в некоторых случаях предпочтение иностранным словам отдавалось как более «терминированным», за которыми стояла более строгая научная организация понятий, регулярность их отношений и противопоставлений, отражающая отношения в системе понятий. С иноязычными словами зачастую приходили на русскую почву не столько новые понятия, сколько новый принцип их организации.

Процесс семантического сближения членов некоторых дублетов сопровождался терминологической специализацией и размежеванием русских и иноязычных слов, определением сферы употребления для каждого эквивалента. Заимствования чаще оставались в узкой терминосистеме науки, а русские соответствия, особенно те из них, что были связаны с научным исследованием, категориями мышления и общенаучными понятиями, получали широкое распространение в языке и выходили за пределы терминологической системы – с русскими эквивалентами заимствований связывалось так называемое «бытовое» представление о философских категориях и понятиях.

Поиски новых наименований заимствованным терминам в русской философии не всегда приводили к положительным результатам. Указания на смысл иностранного термина в пору вхождения его в русскую языковую среду не всегда были достаточно точными, зачастую лишь приблизительными, одно и то же русское многозначное слово могло выступать в качестве эквивалента заимствованиям, обозначающим в языке-источнике разные понятия, что приводило к терминологической неточности. Не все русские соответствия были удачны и в силу образности, «мотивированности» значений ассоциативных связей со словами и понятиями нетерминологической сферы.

В формировании русской философской терминологии особую роль сыграло французское влияние, благодаря которому существенно пополнился новообразованиями на основе французского языка интернациональный фонд европейской философской терминосистемы, в котором слова с латинскими и греческими корнями интенсивно переосмысливались, приобретая специфические значения новых рождающихся понятий. В русскую философию эти понятия переходили через французское посредничество, сохраняя генетическую и семантическую связь с французским языком.

Причины появления заимствований в большинстве случаев были экстралингвистическими: новые обозначения заимствовались вместе с новыми понятиями, которых еще не было в русской философии. Русские соответствия из-за своей полисемантической в этих случаях не могли заменить заимствования. Как показали наблюдения, специфические значения терминов, получивших развитие в западноевропейской философии, русские философы усваивали, сопоставляя с ними уже имевшиеся у них понятия, связанные, однако, с чем-либо конкретным, вещественным, предметным, а не обобщенным.

На судьбе заимствований могло сказаться неразличение философских значений некоторых понятий, сущность которых русская философская мысль только начинала осознавать. Явления омонимии, характеризующие эти категории, связаны с заимствованиями из разных языков. Одно и то же слово заимствовалось из языка источника (как правило, французского или немецкого), в котором это слово как собственное заимствование получает добавочное или совсем новое значение. В целом, заимствованное слово вводится в то же лексическое поле и с теми же денотативными соотношенностями, что и в оригинале. Морфемные же замены при переводе способствуют потере национального колорита заимствованного слова и ведут к еще более глубокой ассимиляции слова в принявшем языке.

О том, что заимствования прочно осваиваются в русском языке, свидетельствуют 1) появление от них новообразований по лексическим и грамматическим моделям русского языка, 2) переход большинства из них в общеупотребительную лексику. В процессе ассимиляции иностранное слово может претерпевать различные семантические изменения, например, может приобрести новые смысловые оттенки, дополнительные компоненты значения, вероятностные, потенциальные семы, которые не были присущи ему в родном языке. Это явление в реферируемой работе обозначается как «лексическая нострификация» заимствованной лексики, то есть заимствование лексической единицы, которая обозначала сугубо инокультурное явление, но в настоящее время за ней закрепляется значение, соответствующее языковой картине мира носителей русского языка.

Помимо экстралингвистических причин роста числа заимствований были и причины интралингвистические. Одновременно с уточнением, вычленением, специализацией новых значений в философии происходят те же самые процессы в языке. В этих условиях заимствования, благодаря своей изолированности от системы языка, индифферентности, однозначности, активно способствовали специализации, углублению значений и русских соответствий. При этом влияние слова на понятие сказывается лишь в специфическом для каждого национального языка сравнительно незначительном варьировании и видоизменении некоторых понятий.

Третий параграф *«Этнокультурный потенциал исконно русских терминов как отражение русского менталитета»* посвящен анализу специфики русизмов и старославянизмов, широко используемых в качестве терминологических единиц в русской философии, что отразило тенденцию

поисков национальной самобытности и демократичности философского языка исследуемого периода.

Создание адекватной греческой славянской терминологической номенклатуры принадлежит Кириллу и Мефодию, заложивших костяк славянского философского языка, занимавшихся переводами по преимуществу именно философских произведений. Характерной, отличительной чертой кирилло-мефодиевских переводов в терминотворчестве была ментализация, в результате которой термины, возникшие с опорой на осмысление, способствовали большей доступности, разборчивости, понятности переведенного текста. В последующие эпохи ее роль сокращается, возрастает удельный вес транспозиции, состоящей в перенесении лексической единицы из всеобщего языка в групповой и особенно калькирования, причем даже старые термины, созданные посредством осмысления, замещаются кальками. Таким образом, способы образования терминов зависят от времени формирования терминологических систем.

Случаи национально-культурной обусловленности основных значений так же были различными. Если в русском дофилософском пространстве был очевидный перенос на славянскую обиходную лексику греческой философской семантики, то смысловая наполняемость лексемы, используемой в качестве термина философии последующих эпох выглядит по-иному. Так, одной из основных в структурировании культурного пространства XVIII – XIX веков является оппозиция «свое / чужое», играющая главную роль при аккультурации инофона и межкультурной коммуникации: при восприятии западной философии с позиции своего национально-культурного пространства замечались, прежде всего, элементы, которые опознаются как «свои» или близкие им, «чужие» же зачастую оставались незамеченными или интерпретировались и оценивались на основе «своих» представлений. Превалирование коннотативного компонента (эмоциональной, оценочной или стилистической окраски) в слове над денотативным предполагает субъективность, поэтому во всей новой лексике, входящей в философский обиход и отражающей изменения объективной действительности, оценочный компонент был усилен, что характеризует и эмоциональную вовлеченность в познавательный процесс.

Потребность в обозначении новых объектов и ситуаций обеспечивается главным образом за счет использования уже существующих языковых единиц в новых значениях, т.е. за счет полисемии. В русском языке смысловая структура абстрактных существительных характеризуется относительной одноплановостью, в результате в большинстве случаев все значения полисемантического абстрактного слова обнаруживают смысловую близость друг к другу, даже основное значение здесь не воспринимается как особое, четко выделяемое среди производных. В философской терминологии в процессе использования такого термина возникала ориентация на разные значения общеупотребительного слова, подвергающегося терминологизации, тогда в лучшем случае порождалась многозначность термина, а в худшем – диффузия,

расплывчатость его семантики, разное понимание одного и того же термина в исследовательской практике.

Культурно-исторический компонент содержания единиц, используемых в качестве философских терминов, способствует обнаружению универсальной «сетки значимостей» («матрицы сем»), в которой существуют две взаимодополняющие модели, описывающие форму языкового представления. В «архетипной» модели концепт рассматривается как нечто чувственно-образное, воплощающееся в редуцированной форме в представлении, в значении слова, предполагая их врожденность, доязыковую готовность к семантизации; «инвариантная» модель – формирование и оформление в процессе усвоения языка и освоения внеязыковой действительности субъектом мысли. Стремление выделить именуемый объект с максимальной степенью точности внутри определенного понятийно-предметного поля и дать ему наиболее подходящее название, отражающее какую-либо характерную черту, перекрывало значение слов общего языка, обладающего несколькими переносными значениями. При этом «точное» описание значения отражает и содержащиеся в нем «приблизительные» представления. Осознать и выразить адекватное представление способна интуиция философа, исходным моментом которой является образное представление.

Синтагматические отношения в философском языке изучаемого периода представлены, прежде всего, в качественных изменениях границ фразеологической сочетаемости, обусловленных изменениями семантики, специализацией наименования как термина, подвижность этого значения в разных контекстах. Выявляется четкая закономерность этого принципа: от конкретно-предметных значений – к абстрактно-отвлеченным, специально терминологическим, затем – к общеупотребительным значениям в нефилософских контекстах. Выход же наименований из философского обихода в сферу общелитературную также связан с качественными сдвигами во фразеологической сочетаемости, расширением семантических границ.

В силу того, что в отдельных терминологических системах просматривается определенная языковая ориентация, мы можем предположить, что именно абстрактность философской логической системы является одной из причин преимущественного использования прилагательного для выражения признака понятия философии. В трактовке семантики относительных прилагательных возможные значения предсказуемы, и они предопределяются не только семантической структурой исходного слова, но – главным образом – его концептуальной структурой. В формировании таких значений сочетающееся с прилагательным слово «вытаскивает» соответствующую долю значения и сочетающиеся понятия оказываются кореферентными, совместимыми. В сочетаниях прилагательных с существительными участвуют не столько значения как таковые, сколько некие входящие в них смыслы, концепты, доли значения. Такие случаи согласования смыслов не сводятся к их дублированию, согласование смыслов происходит при естественной их совместимости, для чего необходимо когнитивное связывание (cognitive

linking) двух разных ментальных пространств, понимание возможностей их объединения в одно интегрированное целое.

В работе подчеркивается «традиционность» и «логическая осмысленность» отнесений словообразовательных средств к какой-либо специальной области языка, связанных с преобладающим типом логических форм постижения действительности, отразившихся в терминах. Высокая степень продуктивности словообразовательной модели с участием приставки *со-* в образовании философской терминологии указывает на ее особую привлекательность для русской философии. Рассмотрение особенностей значения и употребления имен существительных с этим префиксом позволяет утверждать, что общее значение совместности, будучи основой словообразовательной семантики приставки *со-*, имеет своеобразный оттенок - как условие проявления совместности, связи, объединения предполагается наличие действия. Объясняется это тем, что русскому языку характерно наличие развитой системы префиксации в сфере глагольного словообразования при относительной нехарактерности приставочных форм в словопроизводстве имен. Эта особенность охватывает и случаи образования имен, связанных с глагольным полюсом лишь семантически при отсутствии соответствующего префиксального глагола.

Образования с исконно русскими префиксами относятся к генетическим церковнославянизмам, что согласуется с «книжным» характером первоначального круга образований данного типа, их сконцентрированностью в церковнославянских памятниках. Церковнославянский язык, обладающий возможностями международного языка и конкурирующий в этом плане с латинским, после отказа от него как от целостной коммуникативной системы, позволял использовать в философском терминотворчестве как отдельные лексемы, так и словообразовательные модели. Обращение к морфемам церковнославянского языка с хорошо ассимилированными латинскими и греческими элементами, сначала интуитивное, а затем и сознательное, придавало русским терминам отвлеченность от бытовых ассоциаций, нежелательных в терминосистемах.

Еще одним активным способом терминообразования исследуемого периода было словосложение – древнейший способ словообразования индоевропейских языков, представленный и в бесписьменном праславянском языке. В работе принимается мнение Ю.С. Сорокина, отмечавшего, что русский реализм в словесном творчестве утверждал равенство идеально-мыслительного и природно-вещного начал, восходящее к неоплатоническому представлению о том, что в слове одновременно содержится указание и на вещь, и на смысл идеи этой вещи, причем идея столь же существенна, что и сама вещь. Стремление к удвоениям в русской ментальности присуще и в удвоении форм для выражения раздвоенного смысла: «реалистическое» сопряжение «идеи» и «вещи» в их совместной обращенности к выражающему их словесному знаку. Если в XVIII в. словосложение является активной формой словообразования новых наименований философских понятий, то в XIX в. их ряд сократился из-за прочно укрепившейся тенденции признания необходимости заимствований,

поэтому попытки замены философских терминов своими собственными наименованиями редки и неустойчивы, исключение составляют окказионализмы.

Значительную роль в становлении философской терминологии сыграла и такая особенность литературных языков, как зависимость от поэтики литературного направления, эстетического фактора, главенствующего в эпоху формирования литературного языка. Становление русского литературного языка было связано с утверждением реализма, признающим язык как часть того мира, который искусство стремится изобразить во всей полноте и правде, это не только объект, но и средство воспроизведения действительности. Поэтому принципиально ненормативная реалистическая эстетика отличается большой широтой, свободой, гибкостью своих норм, ей чужды запреты, языковая ограниченность или односторонность.

Еще одной особенностью изучаемого периода была установка на интенсивность поэтического познания мира и человека, на углубленный психологизм. Эти отличительные черты произведений философских жанров того времени были закономерными для общих тенденций литературного развития, поэтому в развитии оригинальных философских идей поэтическая мысль в России играла такую же роль, как и мысль научная и непосредственно философская. В философских сочинениях исследуемого периода сказалось и обратное влияние художественно-публицистического стиля на собственно философский язык.

В *Заключении* обобщаются основные результаты исследования, подводятся итоги, формулируются выводы, намечаются перспективы их применения.

Основные положения диссертации изложены в следующих публикациях автора:

1. Залесова Н. В. О специфике эволюции философской терминосистемы / Залесова Н. В. // Славянские духовные ценности на рубеже веков. Тюмень, 2001. – 0,3 п. л.
2. Залесова Н. В. Лексические заимствования в русской философской терминологии XVIII века / Залесова Н. В. // Духовные традиции славянской письменности и культуры в Сибири. Сб. статей: В 2 ч. Ч. II. Тюмень, 2002. – 0,4 п. л.
3. Залесова Н. В. Когнитивные подходы в терминологических исследованиях / Залесова Н. В. // Сибирская Пушкиниана: Альманах. Тюмень, 2003. – 0,4 п. л.
4. Залесова Н. В. Исследование лингвистических единиц в русле прототипической семантики / Залесова Н. В. // Язык культуры как интенсивный фактор формирования общественного сознания. Тюмень, 2003. – 0,3 п. л.
5. Залесова Н. В. О разграничении значения и смысла / Залесова Н. В. // Вопросы гуманитарных наук, № 3 (6), 2003. – 0,2 п. л.
6. Залесова Н. В. Формирование оппозиций в сфере философской лексики русского языка / Залесова Н. В. // История и перспективы этнолингвистического и социокультурного взаимообогащения славянских народов. Тюмень, 2003. – 0,4 п. л.
7. Залесова Н. В. Лексические варианты основных понятий русской философской терминосистемы XVIII – начала XIX веков / Залесова Н. В. // Философия и литература как элементы смыслообразования. Тюмень, 2003. – 0,5 п. л.
8. Залесова Н. В. К вопросу о влиянии иноязычной философской лексики на сложение русской философской терминологии / Залесова Н. В. // Философия и литература как элементы смыслообразования. Тюмень, 2003. – 0,7 п. л.
9. Залесова Н. В. Пространственно-временной континуум в представлениях русских философов XVIII – XIX вв. / Залесова Н. В. // Пространство и время в языке. Язык в пространстве и времени. Тюмень, 2004. – 0,5 п. л.
10. Залесова Н. В. Особенности исследования семантики в когнитивном аспекте / Залесова Н. В. // Славяно-русское духовное пространство в Сибири. Тюмень, 2004. – 0,4 п. л.

